

СЦЕНАРНАЯ МЕТОНИМИЯ ПРИЗНАКА: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

С.А. Губанов

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры германских языков
e-mail: gubanov5@rambler.ru*

*АНО ВО Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка»*

Статья посвящена анализу когнитивных механизмов образования одного из типов метонимии – сценарной метонимии признака. Установлено, что в силу своей употребительности и частотности в разговорной речи, а также в контексте переносных значений в рамках того или иного идиостилия метонимия остается одним из главных способов конструирования языкового смысла. Метонимия признака, или смещенное определение, включает в себе как семантический, так и синтаксический перенос признака, что делает ее продуктивным речевым средством образности. В работе сценарный код признаковой метонимии был проанализирован на материале разговорной и художественной речи, текстов Марины Цветаевой. Сценарный тип метонимии означает, что в поле внимания говорящего попадает многоаспектная ситуация или действие как последовательность стереотипных эпизодов, развивающихся во времени и пространстве: гениальный взгляд на проблему (необычное и простое решение), беспокойная неделя (для определенного человека в контексте ситуации). Доказано, что данный тип переносов является устойчивым и не ощущается носителями языка как явно образный, но на глубинном уровне он присутствует и состоит в акцентуации признака единой ситуации. Автор делает выводы о продуктивности сценарной метонимии признака в текстах художественного дискурса, в частности, в составе идиостилия Марины Цветаевой.

Ключевые слова: *метонимия, когнитивная лингвистика, идиостиль, эпитет, Марина Цветаева.*

Изучение языка с позиций антропоцентрического подхода предопределило повышенное внимание исследователей к когнитивным принципам смыслообразования и речепорождения. Отложенный эффект от восприятия переносных выражений стал трактоваться в перспективном русле концептуального анализа текстов различных речевых жанров и дискурсивной принадлежности. Переход от системоцентрического к антропоцентрическому и когнитивному взглядам на язык и мышление заставляет пересмотреть многие традиционные вопросы, попадавшие в поле зрения стилистики, поэтики, языкового анализа идиолектов [Водоватова, Черняева 2019; Кириллов 2014].

Проблемным участком стилистического рассмотрения языковых особенностей идиостиля всегда остаются нетривиальные переносные сдвиги в семантике лексем и когнитивных единиц, их воплощающих. Вопросы когнитивной природы метафоры, метонимии, проблема существования метафтонимии, перцептивных метафор становятся по-новому прочитанными в связи с последними постулатами аксиологической когнитивной лингвистики.

На этапе анализа механизмов образования переносных значений лексем особенно важным считаем подчеркнуть последовательную прорисовку ментальных операций, лежащих в основе их порождения, тогда как интерпретация смыслов, возникших на основе образа, имеет более однонаправленный метафорический характер. На когнитивном уровне процессы метафоризации и метонимизации тесно переплетаются. В данной статье будем придерживаться версии Н.А. Илюхиной, указавшей на центральную роль метонимии в порождении многих речевых и языковых метафор [Илюхина 2015, 2015а].

Предметом анализа настоящей статьи выступает один из типов метонимии – метонимия признака (адъективная метонимия). Целью является определение механизма образования и функционирования одного из типов метонимии признака – сценарной метонимии на основе пропозиционального анализа. Материалом исследования послужили записи разговорной речи, общеупотребительные языковые выражения, а также тексты Марины Цветаевой. Выбор данного автора обусловлен особой насыщенностью ее текстов признаковой лексикой переносного типа, показательной для нашего анализа.

Рассматриваемый тип метонимии представлен переносными употреблениями определения в рамках различных когнитивных структур: фрейма, пропозиции или сценария. Н.А. Илюхина выделяет три типа лексической метонимии: фреймовую (*Университет занял первое место на конференции*), в основе которой лежит образ-схема части и целого, вместимого и вместилища (*В душе неспокойно*), источника, пути и цели, верха и низа и т.д., что особенно распространено в концептополе человека; пропозициональную, где разворачивается событие в компрессивном языковом коде (*Стройка* в качестве места и процесса); сценарную, при которой происходит перенос определения в рамках типичного сценария развития событий (*родительское собрание* – собрание родителей, но за ним стоит типичный сценарий: что обсуждают, как и сколько, причем присутствовать могут и не родители и т.д.; *интересная поездка* – в свернутом виде содержание адъектива может быть очень широким; *важный завтрак* – встреча за завтраком, утром, на которой решаются важные вопросы)

[Илюхина 2015]. При всем разнообразии метонимии нас будет интересовать признаковая метонимия сценарного типа, отражающая базовые понятия человека о себе и мире [Лакофф 2004].

Способность признакового слова отражать в своей семантике широкий спектр реалий, их признаков и особенностей заставляет говорить об актуальности его функционирования в языке и речи. В рамках дискурсологии понятие метонимии признака получило такие номинации, как адъективная метонимия [Мерзлякова 2003], дискурсивная метонимия [Раевская 1999], дискурсивный эпитет и мегаэпитет [Губанов 2016; Киров 2019], эпитетоид [Булахова, Сквородников 2017] применительно к художественному дискурсу. Все данные определения покрывают генеральную характеристику явления, а именно сферу его функционирования, указывают на изменчивость семантики и контекстуальность; иногда обращается внимание на функцию объединения концептов в ключевые смыслы идиостиля (лейтмотивы творчества). Что касается языкового способа репрезентации таких метонимических определений, то основным средством считается эпитет (образное определение) или мегаэпитет (повторяющиеся смысловые блоки признаков слов), что, на наш взгляд, резко сужает объект исследования и возвращает к стилистическому прочтению данных переносов.

В терминологии А.Х. Мерзляковой синтаксический перенос и семантический сдвиг сопровождают друг друга и вызывают образование нескольких типов метонимий признака:

а) вторичная метонимия признака, которая функционирует чаще как синтаксическое смещение и определяется в большей степени природой объекта, а не собственно признаками: *молчаливый человек – молчаливые уста*;

б) конверсивная адъективная метонимия, которая базируется на объединении двух взаимодополняющих признаков, перенос основан на отношении между состоянием и его внешним проявлением: *боязливый человек – боязливый взгляд* [Мерзлякова 2003].

Как видим, примеры почти идентичные, но типы именуется по-разному. Скорее всего, здесь представлены типичные примеры общеязыковых переносов метонимического типа на основе внешнего проявления качества и его локализации.

Наверное, целесообразнее всего говорить о более глубинных механизмах образования подобных метонимических выражений с признаковой лексикой, поскольку именно она становится основным средством выражения этого семантического смещения. Необходимо учитывать сферы перемещения признака, а это так или иначе те сферы, которые связаны с человеком, его деятельностью и поведением. Также требуют учета контексты употребления данных выражений,

их дискурсивное функционирование (бытование их как части разговорного дискурса, где они могут попросту пропасть, единично появившись или существование в рамках устойчивого письменного дискурса, пусть также в единичном употреблении, но сохранившиеся навсегда в текстах). Так, разговорные выражения *породистый автобус*, *честный сок по честной цене* явно окказиональны и не закрепятся в языке в силу своей ситуативности. Приведенные же выше примеры, например *молчаливые уста*, явно употребительны в поэтическом языке и не воспринимаются как нечто выбивающееся из языкового узуса, хотя и имеющие явный признак переносного значения. Но тот факт, что их объединяет единая логика образования, и она по природе своей является метонимической, не вызывает сомнения. Проблема в ее описании.

Описание логики появления метонимии признака разного типа основывается на характере семантики всех слов речевой цепи: определяемого объекта, определителя, метонимического заместителя денотата и т.д. Чаще всего, на что обратим внимание ниже, модель возникновения метонимических выражений включает в себя либо расширение семантической сочетаемости признаковой леммы в рамках метонимически близких концептуальных полей или даже в рамках одного макроконцепта (*человек*, например), либо экстраполяцию признака на далекие концептуальные сферы, осмысляемые как соположенные. Заметим, что в отличие от метафоры, где основным логическим механизмом выступает принцип аналогии и сходства, метонимия шире воспринимает смежность как принципиально любой участок концепта, на который в данной ситуации может быть распространен общий признак. Скрепляющим механизмом в процессе метонимизации является процесс когнитивного блендинга, наложения нескольких концептуальных полей, смежных по функциям или проявлениям. В результате блендирования возникает новый образ, воспринимаемый свежо и нетривиально, хотя в когнитивной своей составляющей он вполне вписывается в рамки закономерной семантической деривации.

Сценарный тип метонимии означает, что в поле внимания говорящего попадает многоаспектная ситуация, или действие как последовательность стереотипных эпизодов, развивающихся во времени и пространстве. Сложное действие воспринимается в качестве целого через отдельные этапы его воспроизведения, то есть через его части. Если говорить о разговорной речи, дискурсе масс-медиа, рекламы, то стереотипность будет зачастую автоматической: *гениальный взгляд на проблему* (необычное и простое решение), *беспокойная неделя* (для определенного человека в контексте ситуации). Безусловно, данная логика очень ситуативна и контекстуальна.

На это обратим в дальнейшем внимание при рассмотрении метонимии в художественном дискурсе. С одной стороны, в нем не может быть изначально стереотипных ситуаций, поскольку все ситуации очень индивидуальны: не стоит все же забывать о так называемых общепозитических словоупотреблениях, встречающихся в речи любого человека и писателя. С другой стороны, нетривиальные выражения, репрезентирующие такие же необычные ситуации, в идиостиле креативного типа начинают иначе функционировать: то, что в языке является необычным переносным значением, в контексте идиолекта таковыми не являются, а наоборот, доказывают закономерности образования переносных смыслов. Другой особенностью сценарной метонимии признака является их антропоцентричность, так как ситуация, ее сценарий (начало, развитие, возможный исход) всегда ориентированы на человека. Происходит перенос с названия части человека на человека в целом с точки зрения воплощения этим органом той или иной функции: рот может говорить, петь, кричать; глаза видеть; кровь чувствовать и т.д.: *кричащие глаза, громкий рот*.

Пропозиция и сценарий как когнитивные механизмы смыслообразования очень часто работают вместе: в обоих понятиях важно событие и его развертывание. Они способствуют компрессии текста, сокращению речевой цепи и действию метонимического опущения, тогда как метафора воспринимается в данном случае как вторичный процесс восприятия выражения по аналогии. Пропозициональный подход акцентирует внимание в данном случае на саму структуру события, а сценарий – на способы и механизмы ее развертывания.

Для поэтического языка говорить о закономерностях очень проблематично, ведь для одного идиостиля они работают и прослеживаются, а для другого являются, скорее, факультативными и непродуктивными в силу иной авторской интенции: в поле зрения попадают иные фрагменты реальности, и они иначе осмысляются. Все же следует признать, что некоторые общие идиостилевые черты присутствуют: это касается базовых языковых векторов переносов, универсальных концептов, осмысляемых всеми людьми без исключения (*место, время, пространство, движение, количество, любовь, жизнь, смерть* и т.д.). Общее и индивидуальное объединяют когнитивные принципы построения и интерпретации высказывания, единые для носителей языка, понятные и доступные для восприятия.

Перейдем к рассмотрению сценарной метонимии признака в текстах Марины Цветаевой. Нами было выявлено 2102 случая употребления данного типа метонимии признака в ее произведениях, что является очень большим показателем (около 40% от общего объема определений) [Цветаева 1994].

Наиболее показательными в рассматриваемом ключе выступают такие метонимические переносы признака, которые построены на принципе внешнего проявления того или иного эмоции, чувства, качества субъекта. Все они относятся к концептополю человека и являются антропоцентрическими. Означивание признака локализуется в рамках определенного органа тела человека, и таким образом автор передает то, как и где функционирует описываемый признак. Приведем некоторые примеры, иллюстрирующие метонимическую логику переноса определения. Если в выражении *занемелая рука* налицо метонимическая замена словосочетания *человек, у которого занемело тело* (рука – часть, человек – целое, определение распространяется с целого на часть), то в контекстах *мудрый сон, дерзкая кровь, извиняющийся взгляд, нищая любовь* перед нами явно нетипичная лексическая сочетаемость. Находясь в пределах той же концептуальной сферы человека, автор расширяет круг признаков, которые могут распространяться на смежные объекты – части человеческого тела. По этой причине данные определения начинают восприниматься как явно образные, хотя заметим, что когнитивная логика образования подобных метонимических переносов остается той же: с целого на часть. Восприятие данных словосочетаний иногда называют метафорическим, поскольку создается иллюзия того, что действует закон сходства и аналогии на соположении близких объектов, но в основе своей лежит указанная нами выше метонимическая логика.

Если рассматривать отдельные ключевые для цветаевского идиостиля концепты сферы человека, такие, как *глаза, губы, кровь, любовь, душа* и т.д., то можно в любом из них найти повторяющиеся определения при разных именах концептов (*печальный взгляд* и *печальные губы; гордая спина* и *гордая дружба*). Объяснение этому кроется в сценарной метонимии признака, которая обнажает механизм появления подобных выражений. Сценарий в данном случае состоит в том, что автор всегда пребывает в сюжете личной оценки той или иной ситуации, в которой всегда есть он (автор), объект оценки и основания оценки (признаки). Поскольку данный сценарий является общей схемой, пропозицией, его «участники» наделяются признаками, кочующими от одного агента к другому: набор признаков и их носителей ограничен, но сочетаемостные свойства многообразны, поэтому, сталкиваясь в нетривиальных позициях, они попадают в новые контексты, обретая иные смыслы.

Кажется, что выражение *дерзкая кровь* является образным и очень ярким, метонимическим по своей природе (замена выражения *дерзкий человек, бунтарь* и т.д.), но в рамках описываемой логики становится понятным, что эта экстраполяция признака на смежный концепт *кровь* в

составе суперконцепта *человек* является закономерным следствием процесса смыслообразования сценарной метонимии. Если взять более показательный и неординарный пример такого переноса признака, контексты *мудрый сон* или *невыспавшийся сон*, то здесь по причине дальнего наведения признака на смежный объект переносы становятся более окказиональными и, на первый взгляд, труднообъяснимыми. Перед нами вновь метонимия признака, только более экспрессивная, компрессивная, а потому индивидуальная: это не просто *сон мудрого человека* или *сон человека, который долго спал и не выспался*. Перед нами происходит своеобразное моделирование концепта *сон*, метонимического по природе, но способного выступать в качестве не просто заменителя концепта *человек*, но и как самостоятельного концепта: *мудрый сон – сон, в котором открылась тайна, он чему-то учит, веющий; невыспавшийся сон – незаконченный, прерванный*. В обоих случаях можно сказать, что это метафорическое осмысление сна, и в этом тоже есть доля истины: микроконцепт становится концептом. На пересечении данных логик метонимии и метафоры можно говорить о когнитивных процессах, задействованных именно в образовании таких переносов, моделировании смыслов.

Подобных примеров употребления метонимии признака у М. Цветаевой достаточно много: большинство из них демонстрируют метонимическую логику образования переносов в сочетании с метафорической составляющей их интерпретации. Многие абстрактные концепты (*любовь, дружба, жизнь, смерть, счастье*) получают антропоцентрическое осмысление: *любовь нищая, босая; разлука черноокая, печаль широкоокая, дружба голая* и т.д.

Концептосфера артефактов демонстрирует более традиционную логику переносов определений. Поскольку ключевым концептом для творчества М. Цветаевой является концепт *дом*, то он обозначается метонимически, замещая собой людей, его населяющих. Например, такие выражения, как *знатный дом, тревожный дом, радушный дом* явно метонимические и не нуждаются в развернутом комментарии. Выражения типа *сонный дом, отзавтракавший стол* также явно метонимические, но уже немного более образные, поскольку менее употребительные. Если двигаться по данной шкале, то находим такие выражения, как *голая дверь, немыслящийся дом, бережные полки*. В данных примерах явно заметнее семантический перенос, основанный на репрезентации конкретной ситуации, а потому он очень ситуативен. Словосочетание *бережные полки* можно трактовать, как *полки, которые бережно хранят что-то (книги, фотографии)* или *полки, которые бережно хранятся, о которых заботится хозяин*. Безусловно, в контексте смысл будет понятен, но обратим внимание на природу таких контекстов. В разговорной речи, в рекламном дискурсе подобные свернутые

высказывания встречаются достаточно часто, иногда их относят к речевым ошибкам: *честная цена, проверенные педагоги*. Вспоминается эпизод из кинофильма «Хоббит: нежданное путешествие», где волшебник Гендальф спрашивает у героя в ответ на его приветствие «Доброе утро!», что тот имеет в виду: «Что вы хотите этим сказать? Желаете мне доброго утра или утверждаете, что утро сегодня доброе и неважно, что я о нем думаю? Или, может, вы хотите сказать, что испытали на себе доброту этого утра? Или Вы считаете, что все должны быть добрыми в это утро?». Так и в случае любого поэтического или прозаического творческого текста: всегда нужен контекст для понимания смысла. Порой автор не всегда дает возможность сделать однозначный вывод о том, какова семантика выражения, рождается многозначный образ. Но все же в случаях с артефактами, предметным миром, созданным человеком, налицо перенос определений антропоцентрического типа, поскольку данные сферы близки, смежные между собой (безусловно, дальше, чем предыдущая концептосфера человека, но все же является ее продолжением). В контексте *То зелень старого стекла, / Сто лет глядящегося в сад...* [Цветаева 1994: 2: 295] имеем дело и с флористической метафорой перифрастического типа (*зелень стекла*), и с антропоцентрической метафорой: стекло сравнивается с глазами человека, направленными в сад.

Подробная детализация объектов концептосферы артефактов, затрагивающая не только ключевые понятия, такие как *дом, стол, лестница*, но и *дверь, стекла, зеркала* и т.д., говорит о внимании автора к вещному миру; логика распространения признака остается прежней: от признака, характерного для целого объекта, к его экстраполяции на часть смежного объекта. Поскольку сферы сами по себе являются смежными и во многом осмысляются по схожей логике, то и векторы переносы будут общими и повторяющимися.

Обратим внимание на понятие **вектор переноса**, упомянутый нами выше и крайне важный для настоящего исследования. Под ним понимается направление движения семантики лексемы (в нашем случае признаковой) и уяснения механизма приобретения ею переносного смысла: из какой ментальной сферы в какую концептуальную область происходит движение сем. Вектор переноса помогает раскрыть **функционирование** семантики определяемого и определителя, наглядно демонстрируя логику образования переносных значений. Задействованными оказываются оба члена процесса переноса: и имя концепта, и само определение. Впуская в свою концептуальную область, концепт распространяет на признак свои характеристики, тогда как определение вписывается (ситуативно и временно) в смежную область концепта.

Такое взаимообогащение семантики определителя и определяемого наблюдается в текстах М. Цветаевой и в рамках третьей крупной выделяемой нами концептосферы – сферы натурфактов (сферы природных объектов).

Переносы метонимического характера в данном случае менее очевидны, на поверхности метафорическая составляющая, базирующаяся на явлении анимации, одушевлении природных объектов в ходе приписывания им черт одушевленных субъектов, чаще людей. Эта логика метафоризации имеет свои корни в мифологическом мышлении, когда человек наделял объекты окружающей его реальности своими характеристиками, из-за чего весь мир казался ему живым.

В нашем материале наиболее часто анимации подвергаются такие концепты, как *деревья, лес, трава, луг, звезды, солнце, луна* и некоторые другие. Ключевым концептом в текстах М. Цветаевой выступает концепт *деревья*. Дерево не просто одушевляется, персонифицируется, оно мыслится как продолжение души лирической героини, некая пятая стихия. Оно может быть *сильным, брезгливым, пугливым, страждущим*. С именем концепта *дерево* зафиксированы в качестве эпитетов следующие лексемы: *бессонный (5), воскресающий (3), доверчивый (2)*, а также единично представленные *льстивый, мертвый, многолюбивый, мирской, молодой, невесомый, невинный, нежный, поклонный, простоволосый, пьющий, сорвавшийся, страждущий, тайный, тоскующий, трезвый*. Нужно отметить, что набор данных признаков вновь очень антропоцентричен и поддается следующей логике объяснения. Концептосферы человека и природы, имея генетическое родство, сближаются на тех участках, которые актуализируются в контексте. Автор выбирает ключевой объект, который, по его мнению, наиболее соответствует его мировидению, и экстраполирует на него признаки по принципу сценария: моделирует ситуацию, наводит на концепт признак, доминантный и привнесенный признаки блендируются (смешиваются) и образуется новый переносный смысл гибридного типа. В основе блендирования лежит метонимический механизм переноса признаков из смежных областей и закрепление его когнитивной метафорой, привычной для восприятия.

Подведем некоторые итоги. Рассмотрев механизм образования метонимических переносов признака трех концептуальных сфер (человек, артефакты, натурфакты) в текстах М. Цветаевой, а также в речевой практике, пришли к выводу о том, что базой для возникновения переносов определений выступает сценарий. Сценарная метонимия признака основывается на экстраполяции признака в смежную концептуальную область, коей является зачастую сфера человека. В субъективно ориентированном дискурсе, в идиостиле М. Цветаевой, данная тенденция

наиболее заметна и продолжает языковые и речевые факты метонимии признака.

Библиографический список

Булахова Н.П., Сквородников А.П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2 (9). С. 122–143.

Водоватова Т.Е., Черняева А.Д. Языковые свойства речевого жанра туристических экскурсий // Вестник международного института рынка. 2019. № 1. С. 114–118.

Губанов С.А. Теория эпитета: основные подходы: монография. Самара: ООО ПД «ДСМ», 2016. 144 с.

Илюхина Н.А. О типологии лексической метонимии в свете когнитивного принципа // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 7 (129). С. 36–48.

Илюхина Н.А. Сценарная метонимия: механизмы образования и некоторые разновидности // Вестник Самарского государственного университета. 2015а. № 11 (133). С. 9–16.

Кириллов А.Г. Дискурс блогосферы: ключевые понятия и категории блогов как гипержанра компьютерно-опосредованной коммуникации // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 12. Орёл, 2014. С. 260–270.

Киров Е.Ф. Дискурсема и мегаэпитет в дискурсологии // Казанская наука. 2019. №3. С. 93–95.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят о нашем мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

Мерзлякова А.Х. Типы семантического варьирования прилагательных в поле «Восприятие»: на материале английского, русского и французского языков: дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2003. 359 с.

Раевская О.В. О некоторых типах дискурсивной метонимии // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58. № 2. С. 3–12.

Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 томах. М.: Эллис-Лак, 1994. Т. 1-7.